

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Романтика похоти. Т. 1 гл. 6 — младшая сестрёнка Илайза

РОМАНТИКА ПОХОТИ.

Анонимные воспоминания. Классика викторианской эпохи.

Перевод Ю. Аксютина.

Т. 1 — гл. 6 — младшая сестра Илайза.

Мои сестры постепенно развивают свои формы. Мэри особенно. Её бёдра делаются выпуклыми, а задница, твёрдая и выпуклая, обещает быть ещё более заметной. Волосы на её манде разрастаются в довольно очаровательную обильность завитков. У Илайзы также начинают обнаруживаться растущие малыши, а холм Венеры увеличивается и становится мшистым.

Приближается лето, и вот-вот наступит полнолуние, Мэри жалуется, что ощущает подавленное настроение и очень большую склонность к нытью и слёзам. Я пытаюсь успокоить её и, полагая, что мои усилия в этом направлении лучше всего увенчались бы успехом, если отъебать её, увлекаю её спуститься со мною в сад, Мы входим в летний домик, и я сразу приступаю к действию. Она же, напротив, не хочет:

— Не могу сказать, почему, но у меня какое-то инстинктивное нежелание.

Правда, уступает моим мольбам, и я ебу её, но не замечаю обычного для неё в таком случае возбуждения. Поэтому, завершив первый круг, я выхожу из неё и сразу же обнаруживаю то, что беспокоит бедную Мэри: мой член покрыт кровью. Значит, у неё наступили первые месячные. Она очень встревожена, но я говорю ей:

— Видишь у меня на лице уже растительность, — это весьма естественно в моём возрасте.

Точно также и у молодых женщин, когда они достигают определенного возраста, появляются некоторые проблемы. Так что лучше сразу же сказать маме, которая даст инструкции, что делать.

Свой собственный окрашенный в красный цвет член я тщательно вытираю и затем удаляюсь к себе в комнату, чтобы очиститься.

Той же самой ночью, я нахожу в том же самом состоянии и явившуюся ко мне мисс Ивлин. Она даёт мне обычное облегчение своими мягкими руками и ласковыми губами, а затем берёт у меня отпуск на следующие пять ночей, то есть как раз на то же самое время.

Поле моей деятельности теперь сокращается, и в нём остаётся одна только моя младшая сестра Илайза. До этого времени я фактически никогда не ебал её, и её девственность остаётся всё ещё неповрежденной.

Её возраст и теперь ещё далёк от 14, но выпуклость над её очаровательным небольшим влогом становится более явной; вид несомненных выпуклостей принимают и её сосочки, эротически возбуждаемые моими прикосновениями и гамаюшированием. Мой палец довольно легко и успешно приоткрывал её розоватую щелку. Почему бы теперь не закончить её чувственное образование и основательно не выебать её? Возможность прекрасная: и мисс Ивлин и Мэри удаляются по свои комнатам, чтобы полежать и отдохнуть в обычное у нас для этого время, а Илайза и я сразу спешим к летнему домику и запираемся. Я немедленно укладываю её на длинной кушетке, и гамаюширую, пока она не истекает мне в рот, а затем продолжаю это, пока она снова почти не приходит в безумство от желания.

И тогда я говорю ей:

— А не приобщить ли мне тебя к новой мистерии, более восхитительной, чем любая из всех тех, что ты уже испытала? Но первая инициация всегда болезненна...

— О! что это, мой дорогой Чарли? Всё, что ты делаешь, настолько славно... Уверена, мне понравится... Но что это?

— Тогда ты должны знать, дорогая Илайза, что твой маленький влог, твоя пиздёнка, сделана со специальной целью помещения в ней такого колышка, как вот этот. Однако, раз мой такой большой, а ты всё ещё так мала и так юна, я боялся, что он причинит тебе слишком много боли, если бы поторопился сделать это. Но теперь, думаю, смогу вложить его, если сделаю это осторожно.

— О, Чарли, дорогой, вставь его сразу! Я часто чувствовала, как бы он мне там понравился! Но, коль ты никогда не пытался сделать это, я думала, что это всего лишь моё воображение. Ведь ты же помещал его туда с Мэри?

— В пизду Мэри? Часто... Да что там говорить, моя дорогая, — то и дело!

— Ей это нравится?

— Она обожает это.

— Тогда без обиняков вставляй его и в меня, Чарли.

Ничего лучшего я и не желаю и говорю ей:

— Чтобы вполне насладиться этим, следует раздеться.

Через минуту она скидывает всё с себя, в то время как я снимаю свои брюки — сюртук и жилет уже отложены в сторону. Чтобы не испортить предательскими пятнами кушетку, я достаю принесённое с собой полотенце и расстилаю его у неё под задницей.

— Теперь ложись-ка на спину. Причём так, чтобы твоя задница была поближе к краю... Ноги подними с пола вверх и обопрись обеими ступнями на софу, а колени раскинь в стороны. Вот так, лучше и не придумаешь.

Сам же помещаю на пол подушку и становлюсь на неё коленями, таким образом устанавливая своего петуха немного выше её манды, чтобы заполучить неплохие преимущества.

Затем начинаю с того, что снова хорошо гамаюширую, пока она не потекла и не закричала:

— О, вставляй же его, мой дорогой Чарли, я действительно чувствую, что мне его так не хватает!

Она уже хорошо увлажнена и моим облизыванием губ её влагалища и своими предыдущими разрядами. Смочив слюной свой собственный дрекол, я принимаюсь приближать его к очаровательно вздувшимся и страстно жаждущим губам её малюсенького влагалища и сначала потираю им вверх и вниз между губами, пробуя вставлять его головку между ними. Благодаря предпринятым предосторожностям и возбуждению, уже поднятому в ней моим нежным языком, а теперь и дреколом, непосредственный вход происходит с большей безболезненностью, чем можно было ожидать.

Головка ещё вряд ли углубилась дальше дюйма, как поднятое мной страстное возбуждение так стимулирует природную похотливость Илайзы, что она с энергичным усилием поднимает свои ягодицы и ещё больше раскидывает в стороны колени, таким образом здорово благоприятствуя моему выпадку вперёд, совершаемому в тот момент, так что мой дрекол тут же оказывается больше чем на половину своей длины вложенным в ножны, этого оказывается вполне достаточно для преодоления встретившихся ему в тот момент девственных препятствий. Острый приступ боли заставляет её отпрянуть назад и произнести:

— О! Чарли!

— Не надо бояться! Я буду нежен... Ещё немножко и затем боль кончится и сменится великим наслаждением.

Какое-то время мы лежим неподвижно, пока я не почувствовал невольные внутренние стискивания, — истинные предшественники и безошибочные индикаторы возрастающих желаний. Тогда я медленно начинаю и продолжаю движение туда и обратно и вскоре вызываю такой избыток наслаждения в её восхитительной орбите, что её движения становятся чуть ли не бешеными, и сама природа побуждает её вторить мне с таким большим искусством, словно ей уже давно известно, что именно такие восхитительные движения рассчитаны на то, чтобы усилить чувственные восхищения полным обладанием.

Мало того, Илайза оказывается редким примером действительно сладострастной и чувственной натуры и показывает себя таким образом, что оставляет далеко позади Мэри; хотя и та имеет очень горячий темперамент, страсти Илайзы намного более легко возбудимы.

Да, пожалуй, со временем она станет одной из самых чувственных еблиц, какие только возможны, предающихся всем самым диким восторгам, которые только может предложить эротическая натура. Но это в будущем; в данное же время я отделяю её до предельной степени возбуждённого желания; она целиком занята актом разрядки, а поскольку я отодвигаюсь для заключительного выпада, она в агонии наслаждения с усилием приподнимает свои ягодицы, и я, восприняв это, как некий сигнал: — или теперь или никогда! — одним мощным ударом достигаю цели, с непреодолимой силой прорываюсь через всяческие препятствия и торю себе дорогу внутрь, пока не оказываюсь по самые свои стручки заключённым в ножны.

Бедная Илайза! В этот самый момент, полагая себя на седьмом небе удовольствия, она испытывает самую мучительную агонию: издаёт пронзительный крик и теряет сознание; её руки безжизненно падают с моего тела, её ноги также опускаются, но продолжают висеть на моих руках, их поддерживающих. Я возобновляю последовательные выпады, полностью и легко проникая во всю без исключения полость и сам приходя в возбуждённое состояние полного благоговения. Так что вне себя от радости замираю, посылая поток ароматной спермы, смягчая и облегчая боль в её ужасно изорванной манде. Но встревожившись, что Илайза продолжает находиться без сознания, я слегка приподнимаюсь и в испуге взираю на большое количество крови, которая появилась сразу же вслед за моим изъятием. На помощь приходит полотенце. Моя предусмотрительность не только спасла диван, но способствует тому, чтобы остановить кровотечение из её опухшей и кровоточащей манды, а также вытереть кровь с её бёдер и задницы. Всё это я произвожу прежде, чем дорогая девочка начинает выказывать хоть какие-то симптомы жизнедеятельности. Она сначала вздыхает, потом её тело сотрясает дрожь, наконец, открывает глаза, смущенно смотрит на меня и спрашивает:

— Что со мной случилось, Чарли?

Вид, что она лежит голая, возвращает ей полное сознание обо всех обстоятельствах происшедшего.

— Ах! Чарли, теперь-то мне понятно; я, было, подумала, что ты убьёшь меня... Чарли, о! это было так ужасно больно! Как же ты мог так? А я-то думала, что это будет необычным небесным удовольствием, какое мне ещё не приходилось испытывать в жизни...

— Моя дорогая, это всё в прошлом и никакой боли больше не будет, а мы оба будем получать только одно удовольствие, но не сейчас; это снова причинило бы тебе значительную боль, так

я думаю, поэтому нам пока лучше не пытаться.

Я помогаю ей подняться, но чувствует она себя совсем разбитой, и у меня возникает большая трудность в том, чтобы уговорить её одеться. Она потрясена видом кровавого состояния полотенца.

— Помести — говорю я, — мой носовой платок между своими бёдрами, а частью прикрой щель, дабы не допустить, чтобы твоя рубашка испачкалась пятнами крови.

Оставив её лежать на диване, я бегу за водой к садовому фонтану. Вместе со стаканом беру с собой и полотенце. Вода, с которой я возвращаюсь, здорово освежает Илайзу.

Я упрашиваю её как можно дольше полежать без движения. Однако, когда она пытается встать, чтобы пойти, ей очень мешает жгучая боль. Я ужасно боюсь, как бы это не было замечено во время возвращения домой, и потому предлагаю:

— Давай скажем, будто ты случайно упала и не можешь двинуться, ибо повредила себе колено.

Уловка эта срабатывает на славу. Илайза свою роль исполняет превосходно. Едва мы, приблизившись к дому, оказываемся в виду мисс Ивлин, моей матери и Мэри, как она оступается, падает, распластавшись, и кричит. Они все выбегают, мы осторожно ставим её на ноги и, поддерживая, ведём к дому, она жалуется на боль в колене и лодыжке. Моя мать настаивает на том, чтобы она сразу же отправилась в постель и стала делать примочки и прикладывать горячие полотенца. Илайза позволяет им всё это сделать, раз им это нравится, но в конечном счёте заставляет оставить её, чтобы спокойно отдохнуть. Это уменьшает болезненные ощущения, которым она подверглась.

На следующий день она жалуется на большую трудность при ходьбе и идёт, хромая, но говорит, что горячие примочки предотвратили опухоль, таким образом счастливо скрывая от излишний наблюдений и подозрений то, что же на самом деле случилось.

Только на третий день, после того как я возбуждаю её очень длинным по продолжительности гамаюшированием, — только после этого она позволяет мне, правда со страхом и дрожью, ввести мой разрывающийся член в деликатные складки своего влога. Поскольку же я весьма нежен в своих движениях и первые выпады делаю медленно и с наслаждением, боль ею едва чувствуется, и стоит лишь мне завершить вложение в ножны, как вся похотливость её природы пробуждается, и к тому времени, когда я уже готов потечь, она оказывается готовой вторить мне во всём, и мы, в восхищённом экстазе наводнив друг друга, замираем.

Она крепко удерживает меня и не позволяет выйти.

— Нет, Чарли, столько хлопот стоило, чтобы вставить его! Оставим же его там, где он так приятно заглохен.

И сразу же, предвосхищая собственные естественные желания, начинает довольно изящно давить на меня, так что очень скоро для нас обоих наступает время для более активных мер. Тем не менее я сдерживаю её пыл:

— Неплохо бы умерить наши движения. Это увеличит наслаждение, ибо очень уж быстрые повторения только изнурят нас, не дав истинно экстатического удовольствия.

Так что я обучаю её удовольствию медленных движений, и она старается не уступать мне ни в чём вплоть до момента, когда ей приходится впасть в новый расход. Дорогое маленькое существо цепляется за меня, довольно крепко и как-то покоряюще обнимая, словно стремясь к полному слиянию наших двух тел, и замирает с таким небесным выражением экстаза и сладкого счастья от исполненного желания на лице, что заставляет меня пожирать её

поцелуями. В связи с этим у меня возникает большая трудность в том, как бы излишне не поспешить за её примером; её восхитительные движения в момент течки и крепкие сдавливания моего дрекола настолько захватывающи, что сопротивление им я считаю настоящим триумфом контроля над собой. И не без успеха тихо-тихо лежу, будто забальзамированный, мой дрекол восхитительно всосан её очаровательно маленьким влогом и ощущает самые восхитительные давления со стороны его изящных складок.

Я полностью предоставляю ей этим заниматься, раз ей это нравится. Потом снова начинаю столь восхитительно милое трение, которое должно ещё раз заставить нас помчаться в бешеной скачке страсти, чтобы кончить, как должно, в восхитительном экстазе финального кризиса. Эта последняя схватка оказывается двойной для моей сестрички; она почти падает в обморок, придя в восторг от моего истечения, в унисон с нею произведенного.

— Я чуть ли не испустила дух, — объявляет она. — Какой восхитительный экстаз! Его совершенно невозможно описать.

Вцепившись в меня и целуя в самой что ни на есть покоряющей манере, она говорит:

— Какой же счастливой ты меня, наконец, сделал!

— Чем же? Не тем ли, что завершил вставку своего укола в твой влог?

— Давеча это стоило мне таких мук!

— Чтобы достигнуть столь изящного результата при каждой ебле, другим приходится раз двадцать пострадать... Не то, что тебе... Давай прервёмся и сходим к цветнику, чтобы нас могли увидеть играющими вместе и не вызвать подозрение нашим постоянным исчезновением теперь, когда мы всё время вместе.

— Как ты назвал это? Еблей?

— Да, еблей.

— Я такого слова никогда не слышала.

— Я тоже до недавнего времени. Насколько я понимаю, вслух его в приличном обществе не произносят.

— А каким словом его можно заменить?

— Никаким. Разве что совокуплением. Но и его, уверен, лучше не произносить при маме и мисс Ивлин. Зачем им знать, что мы об этом знаем?

— О чём, о ебле?

— О ней самой. О ебле. О том, что мы ебёмся.

Вот такой просветительский разговор шёл промеж нас, когда мы возвращались из летнего домика.

Конечно, Мэри узнаёт, чем мы там занимались, несомненно догадавшись, что я завершил инициирование Илайзы, так что, когда мы встречаемся снова в классной комнате, чтобы возобновить наши уроки, она, улыбнувшись, со значением пожимает мне руку.

В течение двух последующих дней я по собственной прихоти наслаждаюсь Илайзой; с каждой новой еблей она становится всё более и более прелестной как в беседах, так и в получении удовольствия.

На третий день мисс Ивлин украдкой сдавливает мне руку и шепчет:

— Сегодня вечером!

Она приходит, и мы балуемся всеми прихотями нашего воображения. Сначала я получаю восхитительное удовольствие от рассматривания всех её обнажённых прелестей, поскольку ещё светло; дважды гамаюширую её, а ебу аж пять раз. Полагая, что у меня был долгий пост,

она в связи с этим проявляет довольно много снисходительности, но говорит мне:

— Вы должны в будущем быть более умеренным, хотя бы ради меня, если не ради себя самого. Поэтому позволю себе следующие три ночи не приходить к вам.

Не могу сказать, что это вызывает у меня огорчение, потому что теперь, когда Илайза посвящена, так же как и Мэри, мы всё это время балуемся самыми восхитительными оргиями ебли и гамаюшинга. Сперва мы имели обыкновение одну укладывать на спину и ебать, в то время как другая находится на своих коленях над её лицом и гамаюшируется ею, тогда как я ввожу свой палец в розовое отверстие задницы передо мной. Но самый чувственный путь мы находим в том, чтобы одна ложилась на спину, а другая на руках и коленях склонялась над нею так, чтобы ртом достать влог лежащей, повернувшись задом ко мне. Та, что лежит под ней, вводит мой дрекол ей во влог и имеет удовольствие наблюдать за нашими действиями, в то время одной рукой щекочет мои стручки, а другой осызает моё заднепроходное отверстие, и даже вставляет туда палец. Так что, пока одна гамаюшируется и втирает в задницу, другая ебётся мною, и мы все трое при деле, чтобы, замерев в агонии захватывающего наслаждения, начать потом всё снова, переменяв только места между этими двумя девочками.

Иногда я пытаюсь ввести свой дрекол в небольшое розовое отверстие задней стороны Мэри, но, хотя трение пальцем даёт ей значительное дополнительное удовольствие, пока мой мужской член обрабатывает её влагалище, она всё же ещё не в силах выдержать его в другом месте. Что же касается малышки Лиззи, то я даже не думал о такой попытке. Но однажды, когда у мисс Ивлин и Мэри снова была менструация, а Лиззи находилась в полном моём распоряжении, ей так вдруг приспичило облегчиться, что у неё только и нашлось время, чтобы забежать за куст и присесть. Я остался ждать её, когда она обращается ко мне с просьбой, есть ли у меня немного бумаги.

Я приближаюсь к ней, чтобы дать ей кое-что из обнаруженного у себя. Она стоит в полусогнутом положении, задрав одежду до самой талии. Передавая ей бумагу, я случайно бросаю свой взгляд на то, что она опорожнила, и его необыкновенная толщина меня поражает. И это наблюдение подталкивает к мысли, которая меня уже давно занимала.

Я часто вспоминал удовольствие, которое доставляла мне ебля в задний проход миссис Бенсон, в последствии я попытался направить этим восхитительным маршрутом удовольствия и мисс Ивлин с Мэри, но, как уже было говорено, оказался неспособным преуспеть с ними из-за чрезмерного калибра моего оружия. Полагая, что уж коли они не могут снести введение, то не может быть никакой возможности успеха с моей младшей и менее развитой сестрой, я никогда и не шёл с Лиззи дальше, чем ввод одного пальца. Правда, её это, кажется, больше возбуждало, чем мисс Ивлин или Мэри.

Узрев же необыкновенные размеры вещества, вышедшего из неё при опорожнении, я проникаюсь мыслью, что, если её явно малюсенький забойчик с розовыми губками может позволить выйти столь большой массе, то и моя едва ли большая машина с некоторыми усилиями могла бы быть вставлена. И я решаю уже на следующий день испробовать этот источник наслаждения.

Помня, что у миссис Бенсон всегда было правилом — она должна быть сначала хорошо прогамаюширована и выебана, а дрекол хорошо увлажнён, я начинаю с того, что соответствующим образом стимулирую Лиззи. Сначала я ебу её, заставляя дважды кончить, пока наконец и сам не кончаю; затем гамаюширую.

— О! пихни-ка снова в меня свой дрекол! — умоляет она.

Продолжая высасывать ей влог, я ухитряюсь ввести сразу два своих указательных пальца ей в задницу, и, очевидно, трение ими не причиняет ей боли; напротив, по её движениям мне представляется, что она ощущает большее возбуждение. Я забочусь о том, чтобы как можно больше увеличить, или, скорее, растянуть её забой этими самыми двумя пальцами.

— Ну, поторопись же, дорогой! — опять побуждает она, чрезмерно возбуждвшись. — Отъеби же меня! Немедля!

И в этот момент я говорю:

— Моя дражайшая сестрёнка, есть совсем другая мистерия чувственного сладострастия, к коей ты пока ещё не причастна и даже не имеешь представления о ней, а я собираюсь просветить тебя в этом.

— О, дорогой Чарли, что это может быть? Делай всё, что хочешь и, если можно, то побыстрее.

— Что ж, тогда, дорогуша, именно в это сладкое небольшое отверстие в твоей жопке я собираюсь ввести свой дрекол. Это может причинить тебе на первых порах некоторую, совсем небольшую боль, но мягкостью движения и временными остановками, если станет уж слишком больно, мы вставим его полностью, а это затем доставит обоим нам огромное удовольствие.

— Дорогой, дорогой Чарли, делай, что угодно! Что можно ожидать от твоего милого дрекола, кроме величайшего развлечения? Я просто умираю от желания поиметь его в себе, меня не заботит, где, лишь бы заполучить к себе это дорогое существо. Наверно, мне следует встать на руки и колени?

И с большим проворством перевернувшись, занимает указанную позицию, выставив два твёрдых и многообещающих полушария своей очаровательной задницы. Я не теряю времени и сразу же одним движением таза проталкиваю до упора ей во влог свой дрекол, чтобы увлажнить его. Это снова ввергает её в дрожь, и она с таким избытком жажды начинает надавливать на него, что весьма затрудняет удаление его оттуда. Настолько там ему уютно и в пору, что сразу же появляется большое искушение проскакать там ещё один круг, но наличие в поле зрения другого объекта, и осознание того, чего же хочется больше, пока ему ещё не изменила твёрдость, заставляют меня собрать волю в кулак, чтобы выйти. На уже увлажнённый дрекол я наношу слюну, обильному выделению которой у меня во рту способствовало то, что я её чуточку погамаюшировал, так что остаётся ещё, чтобы смочить ею и отверстие задницы.

И вот, вставив хорошо смоченный палец, я приставляю головку своего грозного дрекола к маленькому и словно улыбающемуся отверстию, которое находится передо мной.

Непропорциональность кажется мне настолько большой, что я боюсь, как бы мой успех не оказался слишком болезненным для неё, но вспомнив размеры того, что выходило оттуда, я смело возобновляю операцию. Головка моя входит, а она даже не вздрагивает. Но всё же, когда я мягко продолжая продвигаться вперёд, преодолеваю приблизительно пару дюймов, она вскрикивает:

— Остановись малость, Чарли!... Уж больно странное ощущение... Я не в силах выносить это дальше.

Я останавливаюсь там, где был, но пропустив под неё одну руку, прикладываю свой палец к её клитору, а другой рукой вцепляюсь в талию, крепко прижимая к себе её зад, дабы он, не дай бог, не утратил опоры. Мой проворный палец скоро пробуждает её страстность, и я чувствую, как её седалище конвульсивно подёргивается на моём дреколе.

Я позволяю ей стать ещё более возбуждённой и, возобновив мягкое толкание вперёд, нахожу, что, хоть и медленно и почти неощутимо, но делаю успехи. Мой дрекол вставлен уже чуть ли не на две трети его длины, когда, наверно при слишком резком толчке, она опять вскрикивает и сбрасывает мою руку, которая крепко держала её за талию.

— О, Чарли, дорогой, остановись же! Мне кажется, я сейчас задохнусь... Ощущение столь странное, что боюсь вот-вот упасть в обморок.

— Теперь я совсем не буду двигаться, дорогая Лиззи. Он уже весь там, — иду я на маленький обман, чтобы успокоить её страхи. — И когда боль пройдёт, а это будет через минуту, — нам останется только вкушать удовольствие.

Таким образом я удерживаю свой дрекол там, где он был, но удваиваю усилия по растиранию её клитора и очень скоро довожу её до точки кипения. Но попытку завершить вставку решаю не делать, пока я не почувствую, что она не придёт в полный восторг от чувственной разгрузки. И он вскоре нахлынул на неё, сопровождаемый восхитительным движением её собственных ягодиц, которые таким образом сами, без какого бы то ни было усилия с моей стороны, вкладывают к себе в ножны мой дрекол аж по самую рукоятку. И если она теперь вскрикивает, то вовсе не от причинённой ей боли, а от интенсивной чувственности своих ощущений при метании икры. Она не может говорить в течение многих минут, но продолжает мышцей сфинктера возбуждающе стискивать мой восхищенный этим дрекол. Но при моей решимости не оставлять дело на полпути и не ждать другой такой встречи, которая бы полностью ввела бы Лиззи во всю роскошь и энергию этого восхитительного способа, я не должен был на этом закончить свой собственный курс. Моя сдержанность хорошо вознаграждается. Первые слова, которые произносит моя сестрёнка, полны почти безумной радостью и экстраординарным восхищением, которое я дал ей.

— Никогда, никогда, ебля с тобой так не восхищала меня!

Она оборачивает своё лицо ко мне, и слезы чувственности и чувственности заполняют её глаза.

Едва я начинаю щекотать её всё ещё возбуждённый клитор, который, между прочим, в последнее время заметно развился, как она проявляет такую же охоту к другой схватке, что и я. Считаю уже достаточной собственной сдержанностью в непристойных движениях, я хотел бы теперь доставить Лиззи такое возбуждающее наслаждение, чтобы и в будущем можно было побудить её жаловать мне пользование её очаровательным забоем всякий раз, когда только мне захочется. И разрабатываю её до предельной точки самого непристойного возбуждения, а в момент, когда она потекла, завопив в мучительном экстазе, я изливаю настоящие потоки мужества в её внутренности, и мы падаем вперёд, подавленные интенсивностью нашего наслаждения, но так, что она не сбрасывает меня. И я поднимаюсь с неё только после того, как мы приходим в себя.

При вытаскивании своего дрекола я нахожу некоторые следы крови, но не придаю этому никакого значения. Носовым платком вытираю его, а также между ягодицами Лиззинового сидения, из страха, чтобы какие-либо предательские пятна не появились на её полотне. После чего помогаю ей встать, и она, закинув свои руки вокруг моей шеи, сладко целует и благодарит:

— Этот новый урок любви переполнил меня восхищением!

Так заканчивается первый урок, который наставил Лиззи на этот маршрут удовольствия, и я могу в этой связи заявить, что она оказалась будто специально создана для предоставления и

получения самого изящного удовольствия именно таким образом. Впоследствии она развивалась в великолепную женщину с сильно развитым и очень соблазнительным задом, и до предельной степени любила ебаться через жопу. А выйдя за муж, признавалась мне, что её муж — «шляпа» и понятия даже не имеет, что женщиной можно наслаждаться не одним только способом, и она часто обманывает его, и для собственного удовольствия незаметно, не вызывая у него никаких подозрений на сей счёт, подсовывает ему свой собственный забой.